

Внешняя политика СССР в 1935–1939 годах: некоторые соображения

Мариуш Волос*

Характерной чертой внешней политики СССР в 1930-е гг. была централизация и даже «гиперцентрализация»¹ принятия любых решений, касавшихся международных вопросов. Впрочем, то же происходило и во внутренних делах. Под этим я прежде всего подразумеваю центр принятия решений, который находился не в Наркомате иностранных дел, а в Политбюро ЦК ВКП (б), а со второй половины 1930-х гг. единолично в руках И. В. Сталина. Более того, историки по сей день спорят, отражает ли информация, содержащаяся в архивах Политбюро, личных записях Сталина или советской дипломатической документации, истинную точку зрения Сталина, образ его мысли, оценку текущей ситуации, планы на будущее, одним словом, «глубокую осведомленность» диктатора, или они носили лишь тактическо-пропагандистский характер². Это ключевой вопрос как для методологии исторических исследований, так и для понимания методов советской дипломатии накануне Второй мировой войны.

На практике «гиперцентрализация» стала причиной не только обязательных консультаций даже по самым мелким вопросам с «инстанцией»³. Советский диктатор и узкий круг его приближенных надели тесный корсет на дипломатическую службу, которая должна была беспрекословно и чрезвычайно точно выполнять распоряжения, которые порой ей были непонятны. Как представляется, не соответствует реальности точка зрения части российских и западных историков, согласно которой существует принципиальное различие между политической линией М. М. Литвинова и линией И. В. Сталина и В. М. Молотова. Конечно же, различия существовали, даже в области подходов к осуществлению внешней политики, однако они оставались внутри кремлевских стен. Наркоминдел мог только убеждать Сталина в верности той или иной точки зрения. Но

когда взгляды Литвинова, ранее всецело поддерживаемые «инстанцией», перестали отвечать планам и намерениям Сталина, Литвинов, несмотря на все свои заслуги и хорошую работу, был немедленно устранен с занимаемого поста⁴. Иными словами, не существовало «политики Литвинова» или «политики Молотова». Во второй половине 1930-х гг. все вопросы, касавшиеся внешней политики, вплоть до самых мелких, решало Политбюро под руководством Сталина. Внешняя политика СССР в интересующий нас период была политикой советского диктатора. И вся ответственность за ее проведение лежала на нем.

1936–1939 гг. стали апогеем сталинских чисток среди советских дипломатов. По подсчетам С. Дюлен, было физически уничтожено, сослано в лагеря или освобождено от должностей 34% сотрудников дипломатического ведомства СССР. Но если учесть потери во всей руководящей номенклатуре НКВД (около 100 высокопоставленных сотрудников центрального аппарата и зарубежных представительств, включая и четырех заместителей М. М. Литвинова — Г. Я. Сокольников, Л. М. Карахана, Н. Н. Крестинского и особо близкого наркому Б. С. Стомонякова), этот процент возрастает до 62. Среди 157 лиц, занимавших руководящие посты в советском дипломатическом ведомстве в 1940–1946 гг., целых 85% начали свою карьеру после 1936 г.⁵ Как следствие, в основном это были сотрудники, не имевшие опыта работы. В начале 1939 г. без руководства оказались советские представительства в Болгарии, Дании, Японии, Испании, Литве, Польше, Румынии, США и Венгрии⁶. Следующая волна чисток среди дипломатов началась после отстранения Литвинова (3 мая 1939 г.), когда под удар попали в первую очередь наиболее квалифицированные и опытные сотрудники. Сам Литвинов, над которым также сгущались тучи, отдавал себе отчет в том, что сталинские чистки, особенно в Красной армии и НКВД, ослабляют СССР как внешне, так

* Мариуш Волос — доктор исторических наук, представитель Польской Академии наук в Москве.

и внутренне, негативно влияют на эффективность всей политической и дипломатической деятельности. Опытных дипломатов сменяли неподготовленные кадры. Страх парализовал повседневную работу. Хорошим примером тут может быть личность поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада, который практически не покидал здания посольства в Варшаве. Крайняя ограниченность его контактов, отсутствие личных знакомств в польских политических кругах способствовали тому, что передаваемая в Москву информация была бледной и зачастую излагалась в условном наклонении⁷.

Внешняя политика СССР определялась, прежде всего, национальными интересами, а не идеологией или вопросами коллективной безопасности. В этом смысле она не отличалась от политики других держав. Примером этого является позиция СССР в Лиге наций (с сентября 1934 г.), где советские представители положительно отнеслись к т. н. Версальскому порядку, однако, не проявили никаких инициатив с целью его укрепить или обезопасить, так как в сущности это противоречило национальным интересам СССР.

Следует согласиться с результатами исследований российского историка В. А. Зубачевского, который констатирует состоявшийся в 1923 году отход СССР от идеологических установок во внешней политике (после неудачных попыток оказания помощи германской революции) и делает вывод о возврате к имперским подходам, характерным для дореволюционной России, отличительной чертой которых явилось стремление к объединению земель царства Романовых и даже «русских земель» (например, Западная Малая Польша или Западная Украина), а в географическом плане — к перемещению западных границ СССР на побережье Балтики и к Карпатам⁸.

***

Заключение пактов о взаимопомощи с Францией и Чехословакией 2 и 16 мая 1935 г., одновременно с которыми, однако, не были подписаны военные соглашения, было продиктовано не столько намерением укрепить политику коллективной безопасности, сколько стремлением обеспечить собственные национальные интересы: а) уменьшить риск нападения Германии и Польши на СССР, что позволило бы активизировать политику СССР на Дальнем Востоке и стало бы эффективной формой давления на Японию; б) предупредить теоретически возможное создание единого блока Франции, Германии и Польши, который мог бы политически изолировать Советский Союз в Европе; в) исключить возможность создания вокруг Польши или самой Польшей блока западных соседей СССР, который в Москве всегда считался чрезвычайно опасным и который невозможно было создать без французской поддержки⁹. В Кремле также серьезно обдумывали заключение пакта о ненападении с Велико-

британией. Однако этой цели достичь не удалось. При этом важно отметить, что СССР обязывался оказать помощь Чехословакии только при условии оказания ей помощи от Франции, что вновь подтверждает, что СССР перекалывал ответственность за поддержание «версальского порядка» на плечи его создателей, в данном случае — на Францию и Великобританию, последовательно избегая каких-либо инициатив в этом направлении.

В историографии, принадлежащей к «классическому» направлению, присутствует точка зрения, согласно которой корни всей «политики коллективной безопасности», проводимой СССР с начала 1930-х гг., кроются в ощущении военной слабости СССР и неподготовленности к войне, присутствовавшей в советской элите. Москве нужно было время для укрепления военной мощи. С целью уравновесить потенциальную угрозу со стороны Третьего рейха и Японии, требовалось искать союзников среди западных демократий, и в первую очередь внимание было обращено на Францию, с которой уже в ноябре 1932 г. был подписан договор о ненападении и начался поиск путей к военному сотрудничеству¹⁰, а также на Великобританию. Однако ни И. В. Сталин, ни его приближенные не сомневались, что одновременно с ростом немецкой военной мощи западные демократии будут гораздо активнее стремиться направить агрессию А. Гитлера на восток, не обращая внимания на смертельную угрозу для стран, находящихся между Третьим рейхом и СССР. По этой причине советский диктатор, пытаясь уберечься от агрессии с запада, хотел поспособствовать созданию конфликта между капиталистическими странами, а затем между Германией и западными демократиями. Сам же он планировал подождать и выбрать подходящий момент, когда воюющие стороны ослабнут, и начать марш на Запад, расширить свое влияние под лозунгом распространения коммунистической идеологии¹¹. Сталин еще помнил Первую мировую войну и, возможно, полагал, что конфликт на западе продлится достаточно долго, изматает обе стороны, что в результате облегчит ему реализацию собственных далеко идущих планов.

Ряд западных историков обращает особое внимание на идеологическую основу политического мышления И. В. Сталина, которая сочеталась с опытом диктатора, полученным в период гражданской войны и иностранной интервенции в России. Они обращают внимание на глубоко скрытую враждебность советского руководителя к «английским и французским капиталистам», на которых он возлагал основную ответственность за интервенцию иностранных государств в послереволюционную Россию. Враждебный настрой по отношению к «капиталистам», накладывавшийся на неприязнь Сталина к Лондону и Парижу, по всей видимости, был более серьезным, чем его негативное отношение к фашистам и нацистам, к которым он вплоть до 1941 г. не питал негативных

чувств. «Мелкобуржуазное» или «мелкокапиталистическое» происхождение итальянского фашизма или немецкого нацизма с идеологической точки зрения, в глазах Сталина, делало Б. Муссолини и А. Гитлера более выгодными и привлекательными партнерами для переговоров, чем были англичане и французы. Да и коммунистам было проще оказывать влияние и бороться с мелким буржуазством, чем с крупным капиталом¹². При этом недостаток твердого понимания Сталиным сущности фашизма или гитлеризма стал фактором, благоприятствовавшим именно такому видению мира из Кремля. Следуя этой логике, можно добавить, что военное сотрудничество СССР с Веймарской республикой в пострепубликанский период и, особенно, после подписания Берлинского договора, последовательными сторонниками которого с немецкой стороны были консерваторы (например, Ульрих фон Брокдорф-Ранцау) и военные (например Ганс фон Сект), в сталинском понимании носило позитивный характер. На таком фоне перспектива сотрудничества с Францией или Англией для советского руководства выглядела бледно, а опыт 1920-х и первой половины 1930-х гг. (проблема дореволюционных долгов и национализированного Советской Россией иностранного имущества, проблема получения кредитов, разрыв дипломатических отношений с Великобританией в 1927 г. и пр.) и вовсе лишил ее всякой привлекательности.

До 1936 г. советское руководство не принимало участия в вооруженных конфликтах. Изменениям в этой области способствовала гражданская война в Испании, а также нападение Японии на Китай. Оба этих события, как и совершенно различные театры военных действий, были для И. В. Сталина своего рода испытательными полигонами, на которых прошли апробацию как военнотрудовые, так и вооружение. По данным современных российских историков, в 1936–1939 гг. СССР предоставил испанским республиканским силам 648 самолетов, 347 танков, 1186 зенитных установок, 20 648 пулеметов и 497 813 винтовок. Уже в августе 1936 г. в Испанию прибыли первые советские военные советники. В интербригадах сражалось около 3 тыс. граждан СССР (в том числе 160 летчиков), из которых более 200 человек погибли¹³. После нападения Японии на Китай в августе 1937 г. СССР подписал с Китаем пакт о ненападении. Москва предоставила китайцам значительную военную помощь. В 1937–1942 гг. СССР поставил в Китай 1285 самолетов, а также направил специалистов для их обслуживания. Советские пилоты сбили 486 японских самолетов. В 1938–1939 гг. Москва предоставила Китаю кредиты на общую сумму в 250 млн долл¹⁴. Сталин стал убеждаться в военной мощи своего государства, тем более что военный потенциал СССР постоянно находился в центре его внимания, военные расходы росли год от года, при том что в 1930-е гг. все больший акцент делался на развитие наступательных форм и техник борьбы¹⁵.

После прихода к власти в Германии А. Гитлера И. В. Сталин ни на секунду не закрывал для себя путей к соглашению с Третьим рейхом. Несмотря на антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду новых немецких властей, никто в Кремле и не думал о том, чтобы отозвать из Берлина посла или ввести ограничения на экономическое сотрудничество. Ряд российских историков даже считает, что диктатор пытался решить некоторые внутренние и внешние проблемы при активном участии гитлеровской Германии. Растущее влияние фюрера и его партии успешно использовалось в качестве своеобразного пугала, тем самым объясняя наращивание собственных вооружений, а гитлеризм позиционировался как смертельная угроза для коммунизма. Однако у Сталина не возникало идеологических препятствий в тех случаях, когда возникала нужда в финансовых средствах, современных технических решениях или даже образцах подготовки армии. Ее удовлетворяли не только во Франции, но также и в фашистской Италии¹⁶ или нацистской Германии. Иногда соответствующие шаги интерпретируются как выражение прагматизма или даже хитрость советского диктатора. На международной арене гитлеровская Германия оставалась для Сталина привлекательным партнером, благодаря которому можно было успешно воздействовать и оказывать непосредственное давление на Англию или Францию. Эта точка зрения особенно важна для наших рассуждений. Я полностью согласен со взглядами В. В. Захарова и Ю. З. Кантор, согласно которым тайные военные контакты между СССР и Третьим рейхом в 1933–1939 гг. являлись важной сферой взаимоотношений по линии Москва — Берлин, смысл же их заключался в сохранении обоими диктаторами возможности быстрого возврата к прерванному после прихода Гитлера к власти военному сотрудничеству, которое в 1920-е и начале 1930-х гг. принесло немало выгоды обеим странам. Впрочем, советско-германские военные контакты тщательно скрывались от международного и внутреннего общественного мнения. Их существование было далеко от установок публичной дипломатии¹⁷.

Рассмотрим некоторые дипломатические шаги, предпринятые советской стороной по отношению к Третьему рейху во второй половине 1930-х гг.

В январе 1934 г. никто иной, как М. М. Литвинов, публично произнес слова, которые должны были выразить позицию советских руководящих кругов: «Мы можем поддерживать и поддерживаем хорошие отношения с капиталистическими государствами при любом режиме, включая и фашистский»¹⁸. Это была значимая декларация. Осенью 1935 г. полпред в Берлине Я. З. Суриц получил распоряжение активизировать контакты с политическими кругами Третьего рейха и изучить возможности улучшения двусторонних отношений. Проведенный им анализ не дал однозначных ответов. Суриц сообщал, что на

Шпрее по-прежнему доминирует курс, направленный против Советского Союза, однако Литвинов не имел ничего против дальнейшего экономического сотрудничества с Третьим рейхом, хоть и не хотел, чтобы львиная доля советского экспорта направлялась в Германию¹⁹. Этому сопутствовали и другие шаги, такие как, например, миссия торгового представителя в Берлине Давида Канделаки в 1935 г., который был отправлен туда не по дипломатической линии и, следовательно, минуя Сурица²⁰. Эти «конфиденциальные» контакты с Берлином длились практически непрерывно до весны 1937 г., то есть и после вовлечения обоих государств в испанскую гражданскую войну по разные стороны противостояния. Даже сам Литвинов допускал возможность «генерального соглашения» с Третьим рейхом, однако, лучше, по его мнению, было бы, если в таком соглашении участвовали Англия и Франция. Важно отметить, что в 1936 году И. В. Сталин не дал согласия на предложенную Литвиновым систематическую и сконцентрированную пропагандистскую акцию против «немецкого фашизма и фашистов»²¹. Можно даже поставить вопрос: не были ли пакты, заключенные с Францией и Чехословакией, если абстрагироваться от других политических выгод, методом «побуждения» Гитлера принять во внимание возможность начала переговоров и даже сотрудничества с СССР?

Установление администрацией президента Франклина Д. Рузвельта осенью 1933 г. дипломатических отношений с СССР открыло для Москвы возможности не только для укрепления экономического сотрудничества с США, но и эвентуального принятия совместных политических решений в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Дальнем Востоке²². Инициативная М. М. Литвиновым попытка заключения пакта о ненападении с США, рассматривавшаяся как возможный шаг в реализации концепции коллективной безопасности на Дальнем Востоке, не принесла существенных результатов. В российской историографии вина за неудачу реализации этой идеи возлагается на американцев, которые сделали акцент на усилении собственной военной мощи, в особенности потенциала военного флота. В равной степени вину за неудачу в данном вопросе можно возложить и на Москву, которая в возможном пакте с США видела, прежде всего, эффективный элемент блокирования Японии и, как следствие, средство для достижения собственных политических целей в Маньчжурии, Монголии и северном Китае²³.

***

В короткой работе нет возможности достаточно подробно осветить деятельность советской дипломатии в 1938–1939 гг. Впрочем, в этом и нет нужды, так как соответствующие вопросы широко рассмотрены в литературе²⁴. Поэтому ограничимся лишь отдельными аспектами.

Аншлюс Австрии в марте 1938 г. не вызвал резкого протеста со стороны СССР, придерживавшегося принципа, согласно которому поддержание «Версальского порядка» должно быть проблемой его создателей. Впрочем, М. М. Литвинов был прав, когда писал, что «захват Австрии представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»²⁵. В Москве понимали, что следующей целью агрессии А. Гитлера будет Чехословакия. Поэтому 17 марта глава советского внешнеполитического ведомства предложил созвать конференцию держав, которая была бы посвящена аншлюсу Австрии и развитию ситуации в Европе после ее включения в Третий рейх. Предложение было адресовано Лондону и Парижу, но было лишено конкретики и появилось в прессе²⁶, в результате чего усилия Литвинова, направленные на то, чтобы Великобритания взяла на себя такие же обязательства по отношению к Праге, какие в 1935 г. взяли Франция и СССР, не принесли результатов²⁷. Согласно записке, направленной послу СССР в Праге С. С. Александровскому, декларация Литвинова от 17 марта была последним предложением по сотрудничеству. После нее наступил период ограниченной заинтересованности советской дипломатии развитием ситуации в Европе²⁸.

Сложно обнаружить какие-либо проявления дипломатической активности Москвы в период подготовки к разделу Чехословакии. Доминировала выжидательная позиция, хотя советские дипломаты пристально следили за развитием событий. Была ли пассивная позиция результатом большого террора, который свирепствовал внутри СССР? Наверное, в большей степени так оно и было, но тут также имели место и политические соображения. В Москве с подозрительностью и неприязнью отнеслись к объявлению о проведении Мюнхенской конференции. Эту подозрительность увеличивало то обстоятельство, что никто не пригласил советских политиков в Баварию и приглашать не собирался. Несложно было послать международному общественному мнению сигнал о том, что «капиталисты», собравшиеся в Мюнхене, готовят покушение на существующий в Европе уклад, решают судьбы третьих стран за их спиной и сами несут ответственность за последствия своих действий, и внушить, что ни одна страна не может чувствовать себя в безопасности, любое государство может оказаться на месте Чехословакии. Правда, по просьбе Э. Бенеша было сделано исключение из пресловутой пассивности. Польше был направлен демарш, содержащий угрозу денонсации пакта о ненападении, если Варшава решит принять участия в разделе Чехословакии, точнее говоря — забрать себе Заолзье. Это не принесло ожидаемого результата. Как отмечал глава польского внешнеполитического ведомства Ю. Бек, во время мюнхенского кризиса «Москва начала... поговаривать о необходимости перехода войск через во-

сточную Малую Польшу, чтобы иметь возможность оказать помощь чехам. Однако в то же время самые старательные наблюдатели за СССР не обнаружили признаков того, что Москва ведет хоть какие-то приготовления к такой интервенции»²⁹.

Возникает вопрос: почему И. В. Сталин не согласился на предложение М. М. Литвинова (23 сентября 1938 г.) провести в связи с чехословацким кризисом хотя бы частичную мобилизацию Красной армии, если Мюнхенскую конференцию до сих пор в российской историографии, как правило, оценивают как смертельную опасность для СССР, определившую дальнейшее развитие событий на международной арене, в том числе и пакт Молотова–Риббентропа? Более того, советский нарком видел в этой, хоть и частичной, мобилизации наиболее эффективный способ сдерживания А. Гитлера и Ю. Бека³⁰. Конечно, можно ответить на этот вопрос относительно просто: предоставление вооруженной помощи Чехословакии от СССР было увязано с предоставлением такой помощи от Франции. Сталин, как и большинство наблюдателей за сложившейся в Европе ситуацией, имел все данные, чтобы понять, что в Париже никто всерьез не задумывался о спасении чехословацких союзников и французы не имеют никакого желания ввязываться в какую-то «восточную авантюру» во имя защиты верной им Праги. Позиция Франции на Мюнхенской конференции была лучшим тому подтверждением. Однако, отвергая предложение Литвинова о частичной мобилизации, не думал ли Сталин в первую очередь о том, чтобы оставить приоткрытой дверь в Берлин и просто не хотел раздражать Гитлера, чья сила росла день ото дня?

В российской историографии выдвигается тезис о тесной связи между Мюнхенской конференцией и пактом Риббентропа–Молотова. Даже утверждает, что этот пакт должен был предотвратить новый «Мюнхен», который планировалось организовать уже против СССР. Этот тезис имеет право на существование, но только после тщательного и целостного изучения советских дипломатических и политических архивов 1938–1939 гг., которые были и продолжают оставаться лишь в частичном открытом доступе для исследователей. Также подчеркивается угроза изоляции СССР на международной арене, которая достигла своего апогея во время Мюнхенской конференции и стала главной определяющей для действий советской дипломатии осенью 1938 г., а также весной и летом 1939 г. Можно поспорить со взглядами С. З. Случа, выдающегося российского исследователя истории международных отношений, который утверждает, что «приоритетом политики Сталина после Мюнхенской конференции было достижение соглашения с нацистской Германией»³¹. Представляется, что Сталин и после Мюнхенской конференции мыслил категориями многовариантного развития ситуации. В самом деле, он стал гораздо серьезней относиться к необходимости заключения договора с А. Гитлером,

отсюда и эта «приоткрытая дверь» в Берлин, но он все же не исключал возможности соглашения с Францией и Великобританией. Окончательное решение о повороте к Берлину Сталин принял несколько месяцев спустя, весной 1939 г.

В ноябре 1938 г. началось улучшение дипломатических отношений между СССР и Польшей. Оба государства подтвердили актуальность заключенных ранее двусторонних договоров. Этот период продлился до февраля 1939 г., когда был подписан польско-советский торговый договор³². Однако сложно сказать, был ли это устойчивый курс в политике Москвы. Можно даже поставить довольно провокационный вопрос: не было ли согласие И. В. Сталина на улучшение отношений с Варшавой всего лишь формой давления на Берлин, которому таким образом внушались возможность союза со следующим объектом агрессии А. Гитлера (после встречи посла Ю. Липского с И. фон Риббентропом 24 октября 1938 г. стало ясно, что новым объектом агрессии Гитлера будет Польша, это подтверждали также итоги разговоров Ю. Бека с А. Гитлером и И. фон Риббентропом в январе 1939 г.³³) и угроза изоляции Третьего рейха, что по сути дела побуждало к поиску компромисса между Берлином и Москвой? И не было ли это первым, еще очень завуалированным, сигналом Сталина Гитлеру, что удовлетворение очередных требований Берлина возможно только при сотрудничестве с Москвой и только с ее ведома и согласия? И был ли прав М. М. Литвинов, отправляя Сталину 23 сентября 1938 г. телеграмму из Женевы, в которой он акцентировал возможность вступления СССР в приближающуюся войну, утверждая, что этот вооруженный конфликт будет не в интересах СССР? Скорее всего, в это время Сталин думал уже по-другому и видел для себя выгоды в надвигающейся войне³⁴. Этот взгляд не сильно отличается от тезиса упоминавшегося выше С. З. Случа, согласно которому в Кремле думали о прекращении сотрудничества между Берлином и Варшавой, но отнюдь не для того чтобы реально сблизиться с Польской Республикой, а для того, чтобы, усложняя польско-немецкие отношения, создать платформу для сближения с Третьим рейхом за счет Польши³⁵.

В конце марта 1939 г., после аннексии Третьим рейхом Чехии и присоединения Клайпеды, Великобритания дала Польше гарантию ее независимости, в то же время воздержавшись от гарантии ее существования в границах II Польской Республики. Во время визита в Лондон Ю. Бек преобразовал эти односторонние гарантии в двусторонние обязательства, заложив тем самым основу польско-британского сотрудничества. Не подлежит сомнению то, что глава польского внешнеполитического ведомства верил в искренность британских заверений и возможность заключения союза с Лондоном, который будет полезен не только в дипломатических играх, но и на поле

битвы. Это была ошибка, в основе которой лежала как наивность, так и вера в латинскую максиму *sunt servanda*³⁶.

Уже в апреле 1939 г. Лондон и Париж подали сигнал о готовности начать переговоры с СССР, главной целью которых должно было бы стать сдерживание последующих агрессивных шагов А. Гитлера, и в особенности — предоставление гарантий Польше и Румынии. Отношение М. М. Литвинова к этим предложениям было позитивное. Он даже был готов расширить эти гарантии и предоставить их другим государствам Восточной Европы, имея в виду государства Прибалтики³⁷. 21 апреля 1939 г. в Кремле во время длившейся три с половиной часа встречи позиция главы внешнеполитического ведомства была полностью раскритикована В. М. Молотовым, действовавшим с ведома, согласия и по инструкции И. В. Сталина. Прикрываясь государственными интересами СССР, Молотов выступил против ориентации на соглашение с Великобританией и Францией³⁸. В Кремле, помимо самого Сталина, находились его самые близкие и надежные сотрудники: В. М. Молотов, А. И. Микоян, Л. М. Каганович и К. Е. Ворошилов. Дипломатические круги представлял Литвинов, его первый заместитель В. П. Потемкин, полпред в Лондоне И. М. Майский, полпред в Берлине А. Ф. Мерекалов, а также советник посольства СССР в Париже П. Н. Крапивинцев³⁹. Не хватало полпреда во Франции Я. З. Сурица, которому Потемкин рекомендовал оставаться в Париже⁴⁰. Таким образом, судьба Литвинова была предрешена. 3 мая он был снят со своего поста. Его место занял Молотов. Свою роль здесь сыграло еврейское происхождение Литвинова, которое могло затруднить ведение переговоров с нацистами. Двумя днями позднее из Берлина был отозван Мерекалов, чье место занял Г. А. Астахов⁴¹. Для реализации нового курса требовались новые люди.

Эти факты однозначно и несомненно говорят о выборе И. В. Сталиным концепции взаимопонимания с Третьим рейхом. Только 21 апреля 1939 г. советский диктатор отверг теоретическую возможность сближения с Францией и Великобританией против А. Гитлера и велел переориентировать политический курс СССР на поиск путей к соглашению с Третьим рейхом. Что стало непосредственным мотивом этого поворота? Я полностью согласен с точкой зрения Марка Конрата, который считает, что «британские гарантии Польше стали катализатором сближения III Рейха и СССР»⁴². Также не исключено, что Сталин знал о подписанных не так давно приказах о нападении на Польшу («план Вайс»). Советский диктатор отдавал себе отчет в том, что успешному нападению Третьего рейха на Польшу должна предшествовать ее политическая и военная изоляция или, по крайней мере, попытка такой изоляции, что было невозможно без взаимодействия с СССР. Следовательно, развитие международной ситуации предоставляло Сталину

одни преимущества, время шло в его пользу, а роль Советского Союза в приближавшейся борьбе росла с каждым днем⁴³.

Возникает очередной вопрос — с какой целью велись дальнейшие переговоры с англичанами и французами, требования к которым становились все более завышенными и целью которых в августе 1939 г. было добиться согласия на проход советских войск через территорию независимой Польши, на эти переговоры не приглашенной? На мой взгляд, ответ ясен. И. В. Сталину требовался сам факт ведения переговоров с западными государствами, этот факт должен был оказывать влияние на А. Гитлера и стать лучшей детерминантой быстрого начала, а затем и продолжения переговоров с СССР. Кремль находился в необычайно привилегированном положении, к нему выстроилась очередь представителей держав, желающих вести переговоры. Диктатор СССР держал в своих руках всю колоду карт. Можно также задать и другой вопрос — что для Сталина было выгоднее: добиться в лучшем случае при посредничестве Англии и Франции согласия на проход Красной Армии через восточную Малую Польшу и Виленский край или без утомительных переговоров, моментально получить гораздо более обширные территории в Центральной и Восточной Европе с ведома и согласия Гитлера, который готовился к нападению на Польшу и был премного благодарен за предложения, поступавшие из Москвы? Ответ очевиден.

Тактика ведения переговоров с французами и англичанами на своей территории основывалась на все большем закручивании спирали требований, от выполнения которых советская сторона и непосредственно К. Е. Ворошилов ставили в зависимость подписание трехсторонних соглашений. Дело в том, что в Кремле прекрасно понимали тот факт, что очередные требования СССР невозможно выполнить. И когда становилось ясно, что подписание франко-англо-советского политического соглашения представляется возможным, Москва потребовала дополнить его военной конвенцией, тем самым успешно выигрывая время. Затем, когда и тут появился шанс достижения договоренности, Ворошилов потребовал согласия Варшавы на проход советских войск через ее территорию. Ю. Бек решительно отвечал послам государств-союзников, аккредитованным в Варшаве, что советское условие «сводит Польшу к роли мертвеца», а польское правительство не может допустить отношения к своей «территории как к предмету переговоров между третьими государствами»⁴⁴. В итоге было определено, что в случае немецкой агрессии Варшава будет готова сесть за стол переговоров с Советским Союзом с целью выработки взаимоприемлемого соглашения. Франко-английская делегация должна была потребовать от Москвы конкретного плана взаимодействия против Третьего рейха. В то же время дальнейшие переговоры шли за спиной поляков. 21 августа французы по собственной инициативе

уполномочили генерала Жозефа Думенка сделать заявление о том, что Варшава согласна на проход советских войск через свою территорию, что не соответствовало действительности, но отражало стремление сохранить мир любой ценой, в данном случае ценой Польской Республики. Думенк проинформировал Ворошилова о данном положении на следующий день. Советская сторона незамедлительно потребовала ответа на вопрос, знают ли об этой позиции британское, польское и румынское правительства. В то же время уже 7 августа 1939 г. Ворошилов получил письменную инструкцию, где ему было приказано прекратить переговоры с французами и англичанами, но таким образом, чтобы ответственность за их провал легла на делегации западных государств и их правительства⁴⁵. Этот документ лучше всего демонстрирует тактику И. В. Сталина.

Параллельно велись переговоры с Германией, которые стали набирать обороты в конце весны и летом 1939 г. Это было основное направление советской внешней политики в то время. Ранее А. Гитлер относился к возможности подписания пакта с СССР с особой осторожностью, и даже с недоверием. Однако возможность избежать войны на два фронта и рассорить потенциальных союзников — СССР, с одной стороны, и Францию, Англию, поддерживаемых Польшей, с другой, — стала причиной того, что на этот раз его реакция на предложение начать переговоры с Москвой была позитивной⁴⁶. Понимая суть проводимой Западом «политики умиротворения», Гитлер имел серьезные основания полагать, что изолированной советско-германским договором Польше, так же, как и прибалтийским государствам, никто не придет на помощь.

Суть пакта Риббентропа–Молотова, подписанного 23 августа 1939 г., содержится в секретном протоколе, который прилагался к двустороннему договору о ненападении. Сам договор напоминал ряд документов такого типа, подписанных ранее многими странами, и не был чем-то необычным. Однако в его подписании не было бы смысла, если бы не секретный протокол. На основе последнего германский диктатор был согласен отдать советскому диктатору в качестве сферы интересов Финляндию, Латвию, Эстонию, «Западную Белоруссию» и «Западную Украину», а также принадлежащую Румынии Бессарабию. Территория Польши была поделена вдоль рек Нарев, Висла и Сан. Однако не была предусмотрена одна деталь. Река Нарев не соприкасалась с границей Польши и Восточной Пруссии. Следовательно, требовалась корректировка намеченной линии, проведение ее также по реке Писсе. Таким образом, часть Варшавы, расположенная с правого берега Вислы, должна была оказаться в советской сфере интересов. Литва тем временем была включена в сферу интересов А. Гитлера, хотя оба диктатора признали ее права на Виленский край⁴⁷. Подписание договора означало неизбежность войны.

Утром 17 сентября 1939 г. войска Красной армии вторглись на территорию Польской Республики. Я полностью согласен с точкой зрения С. З. Случа, согласно которой это вторжение означало вступление СССР во Вторую мировую войну⁴⁸. Ночью с 16 на 17 сентября советская сторона пыталась вручить послу Польши в Москве Вацлаву Гжибовскому ноту, в которой военная агрессия обосновывалась «внутренним банкротством польского государства»⁴⁹. Польский дипломат отказался принять ноту, которую затем бросили в почтовый ящик посольства.

28 сентября 1939 г. СССР и Третий рейх подписали договор о дружбе и границе, к которому также прилагались секретные протоколы⁵⁰. Учитывая быстрое продвижение гитлеровских войск по территории Польши, была изменена граница сфер интересов. И. В. Сталин получил Литву, зато разграничение сфер интересов в Польше было перенесено на линию рек Сан и Буг, на т. н. линию Керзона, предложенную Великобританией в декабре 1919 г. Белосток с обширной прилегающей территорией Подляшья оказался в сфере интересов СССР, люблинские земли и часть Мазовии (то есть бывшего Варшавского воеводства) А. Гитлер включил в Генерал-губернаторство, созданное в октябре 1939 г. в центральной и южной части разгромленной Польши. Также было принято решение о ведении совместной борьбы с польским подпольем, которое вскоре было реализовано.

Договоры с Третьим рейхом от 23 августа и 28 сентября 1939 г. открыли И. В. Сталину путь к аннексии Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины, а впоследствии и к нападению на Финляндию, которое было совершено в ноябре 1939 г.

Сталин не колебался, начинать ли переговоры с нацистской Германией, подписывать ли с ней договор, удивив тем самым деятелей Коминтерна, коммунистов на западе Европы и симпатизировавших коммунизму во многих странах, и даже вызвав их недоумение и протест⁵¹.

Завершение СССР вооруженного конфликта с Японией накануне нападения на Польшу 17 сентября 1939 г. не было случайностью. В результате переговоров В. М. Молотова с послом Шигенори Того 16 сентября были прекращены вооруженные действия⁵². Чтобы иметь возможность реализовывать свои военно-политические цели на Западе, нужно было позаботиться о мире на Дальнем Востоке.

***

В историографии существуют различные оценки заключения пакта Молотова–Риббентропа и его последствий. Ряд современных российских историков и публицистов подчеркивают, так же как и ранее советская историография и публицистика, факт своего рода исправления исторической несправедливости, какой в их понимании был раздел территорий,

населенных украинцами и белорусами по Рижскому миру. Вторгаясь 17 сентября на восточные территории Второй Польской Республики Красная армия несла знамя освобождения от польского гнета притесняемых братских славянских народов, которые против собственной воли оказались оторваны от родных, живущих на территории СССР. При случае также приводится еще один аспект: защита братских народов от стремительно продвигавшихся на восток армий А. Гитлера в тот момент, когда польское государство под ударами Третьего рейха было не в состоянии обеспечить безопасность территорий, которые большевики называли «Западная Украина» и «Западная Белоруссия»⁵³, а поляки — Восточная окраина (Kresy Wschodnie). Однако немного авторов, представляющих данное направление в историографии, задаются вопросом — хотели ли на самом деле проживавшие в восточных воеводствах Польши белорусы, украинцы, литовцы и даже евреи жить в СССР? Доходившие в двадцатые и, особенно, в тридцатые годы до восточных территорий Польши сообщения о борьбе с религией, о коллективизации, раскулачивании, массовых репрессиях, голоде на Украине и проводимой И. В. Сталиным чистке в партийном и государственном аппарате, Красной Армии отнюдь не стимулировали объединение в границах Советского Союза⁵⁴.

Многие современные российские историки подчеркивают, что действия И. В. Сталина в августе и сентябре 1939 г. основывались на опыте Мюнхенской конференции. В Кремле опасались международной изоляции и большого заговора «капиталистических стран» против «родины рабочих и крестьян». Поэтому следовало предотвратить такую возможность и не дать произойти новому «Мюнхену». Именно поэтому Сталин последовательно оставлял себе «приоткрытую дверь» к А. Гитлеру и в 1939 г. вел параллельно переговоры с англо-французской и немецкой делегациями. Однако стоит задать вопрос, действительно ли после Мюнхенской конференции над СССР нависла угроза международной изоляции? Ведь как для Третьего рейха, так и для стран Запада дипломатический путь достижения собственных целей (в первом случае — территориальные приобретения на востоке, во втором — сохранение мира) проходил через Москву. Более того, Сталин осознавал это и сумел воспользоваться выгодной конъюнктурой для реализации своих целей.

Заключая 23 августа пакт с Третьим рейхом, советский диктатор оттолкнул от СССР угрозу гитлеровской агрессии, направив ее острие сперва против изолированной Польши, а затем против западных государств. Задача Москвы была настолько легкой, что она стояла как бы в стороне от борьбы, шедшей в Европе в последние месяцы перед началом войны, лишь пристально наблюдая, анализируя ситуацию и делая соответствующие выводы на будущее. Мало кто представлял себе масштаб закулисных действий,

зачастую скрывавшихся даже от высокопоставленных чиновников. Эта кажущаяся пассивность и недостаток активности СССР в ключевых европейских вопросах часто воспринимались политическими наблюдателями того времени как результат хаоса, царившего внутри советского государства, погрязшего в сталинском терроре. Многие опытные политики и дипломаты говорили о маргинализации роли Советского Союза на международной арене, о его повороте спиной к Европе, а чистки в Красной Армии⁵⁵ воспринимались как фактор, значительно ослабляющий военные и даже мобилизационные возможности советского государства. Только немногие обращали внимание на то, что у Москвы развязаны руки в плане выбора дальнейших действий. СССР не являлся союзником ни одного из двух блоков, которые противостояли друг другу накануне войны. Его не связывали военные обязательства ни с Третьим рейхом и его союзниками, ни с такими странами, как Польша, Франция или Великобритания. Договор о взаимопомощи с Францией не был дополнен военной конвенцией, и, кроме того, его исполнение обуславливалось целым рядом косвенных факторов. Участие в работе уже угасавшей Лиги наций, скомпрометировавшей себя неспособностью эффективно разрешать международные конфликты, в данном случае фактически не имело значения, а ее устав был лишь набором отшумевших фраз. Таким образом, перед И. В. Сталиным была открыта дорога в любом направлении. Заключение пакта Риббентропа–Молотова позволило опереть западную границу СССР, т. н. западную «границу коммунизма»⁵⁶, о Карпаты и Балтийское море. Как было сказано выше, в геостратегических категориях это была цель советской дипломатии, намеченная еще в 1923 г.

Некоторые российские историки до сих пор считают, что любое территориальное приобретение является успехом, а в данном случае в советских границах оказался 51% территории II Польской Республики. В историографии, и отнюдь не только в российской, можно даже встретить точку зрения, что присоединение «Западной Белоруссии» и «Западной Украины», а позже и прибалтийских государств, части Финляндии и части Румынии было равносильно созданию буферной зоны на западных окраинах советского государства, которая продлевала путь гитлеровских войск до таких политических и промышленных центров СССР как Москва, Ленинград, Киев, Донбасс и пр. Тем самым была создана дополнительная страховка на случай немецкой агрессии. Более того, следуя такой логике мышления, часто подчеркивают прагматизм, дальновзоркость, предусмотрительность и даже макиавеллизм И. В. Сталина, который, заключая пакт с А. Гитлером, сделал мастерский ход и довел дело до того, что «Drang nach Osten» на некоторое время был заменен на «Drang nach Westen».

Остановимся еще на вопросе о буферной зоне, которую якобы должен был создать И. В. Сталин в 1939–1940 гг. на западных рубежах своего государства. Можно ли согласиться с тезисом, представленным В. М. Молотовым, согласно которому подписанный им с И. фон Риббентропом пакт отвел армию А. Гитлера от «собственных», установленных в 1921 г. в Риге, границ СССР, создав тем самым что-то вроде пояса безопасности на землях, где проживали украинцы, белорусы и литовцы? Можно было бы принять такое утверждение, если бы не практически немедленное включение этих земель в состав СССР без сохранения хотя бы видимой автономии (то же самое касается прибалтийских государств, включенных в СССР в 1940 г.). Массовые депортации «вражеского» или «ненадежного» населения с территорий в Центральной Европе, присоединенных в 1939 и 1940 гг., призыв в Красную армию жителей этих территорий, установление советской администрации, расширение гарнизонов у новой границы с Третьим рейхом по сути противоречат утверждению о создании буферной зоны. Факты скорее указывают на то, что в результате подписания пакта Молотова–Риббентропа гитлеровские войска были приглашены соседствовать с СССР, риск агрессии с их стороны увеличился. Более того, для Советского Союза натуральным буфером перед немецкой агрессией были как раз независимые государства, существовавшие до 1939 и 1940 гг. в Центральной Европе (Польша, Литва, Латвия и Эстония, в некоторой степени также Румыния)⁵⁷. Этот буфер был уничтожен при активном участии Третьего рейха. Так действительно ли Сталин мыслил прагматично? Воспринял ли он всерьез нацистскую теорию обязательного уничтожения славян сразу же после «окончательного решения» еврейского вопроса?⁵⁸ Серьезно ли он отнесся к планам Гитлера по созданию «жизненного пространства» для немцев на востоке? Был ли Сталин дальновзорким политиком, способным предвидеть дальнейшее развитие событий или, чему я больше склонен верить, на принимаемые им решения большее влияние оказывали

консервативные каноны мышления, опирающиеся на опыт Первой мировой войны, гражданской войны в России, иностранной интервенции, а также польско-большевистской войны 1919–1921 гг.? Неприязнь советского диктатора к полякам, особенно к польскому офицерскому корпусу, высшим слоям общества и интеллигенции даже некоторые современные российские авторы объясняют желанием отомстить за проигранную кампанию 1920 г. и осознанием собственных ошибок, которые Сталин тогда совершил⁶⁰.

Ответственность за объявление и начало Второй мировой войны лежит на Третьем рейхе. В этом отношении роль СССР была второстепенной, хотя подписание пакта Молотова–Риббентропа сделало вооруженный конфликт практически неизбежным. В Москве очень рано заметили растущую политическую, экономическую и военную силу Германии во главе с А. Гитлером, сочетавшуюся с уступчивостью западных государств, хранителей «версальского порядка». И. В. Сталин пытался приспособить собственную тактику к развитию ситуации, стремясь получить максимум выгоды для СССР, имея в виду собственные стратегические цели, в особенности — расширение территории. Не будет преувеличением сказать, что, начиная практически с 1933 г. и до лета 1939 г., советский диктатор никогда не закрывал себе пути к переговорам с Гитлером. Эта тактика «приоткрытой двери» принесла в итоге результат. Политический поворот, совершенный в 1939 г., заключавшийся в отходе от линии на сотрудничество с западными государствами, выражавшейся хотя бы в тактической поддержке концепции коллективной безопасности, и заключение союзнических договоров с Третьим рейхом, принес измеримые результаты и немалые, хотя и временные выгоды Советскому Союзу. Однако это был недолговременный успех. Я полностью согласен с теми исследователями, которые видят в договорах, заключенных между СССР и Германией в августе и сентябре 1939 г., одну из главных причин трагедии, началом которой стала гитлеровская агрессия 22 июня 1941 г.

1. См. соображения французской исследовательницы Сабин Дюллен, автора книги: *Les hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe 1930–1939*. Paris: Payot et Rivages, 2001. Для российских читателей будем ссылаться на перевод этой работы: Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 214–217.

2. Куп Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. С. 178.

3. Термин «инстанция» часто встречается в советских дипломатических источниках.

4. O'Sullivan D. The role of Narkomindel in formulation and implementation of Soviet foreign policy, 1939–1941 // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 3 (1999). № 1. S. 119. О положении М. М. Литвинова в советской структуре власти косвенно, но при этом выразительно свидетельствует количество его визитов к И. В. Сталину. В 1939 г. диктатор принимал его 15 раз (последний раз 3 мая, в день его отставки с поста народного комиссара иностранных дел). В то же время его преемник, В. М. Молотов, уже как глава дипломатического ведомства был принят Сталиным в мае 16 раз, в июне 2 раза, в июле 23 раза, а в сентябре 1939 года — 28 раз. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М.: Новый хронограф, 2008. С. 651, 669.

5. Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. С. 199–200.

6. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. // Известные дипломаты России. Министры иностранных дел. XX век. / Под ред. А. В. Торкунова. М.: Московские учебники, 2007. С. 217–218.

7. Wołos M. Dekompozycja obozu rządowego oraz elita sanacyjna po śmierci Józefa Piłsudskiego w oczach dyplomatów sowieckich // Polska bez Marszałka. Dylematy piłsudczyków po 1935 roku / Zbiór studiów pod red. M. Wołosa i K. Kani. Toruń: Wyd-wo Adam Marszałek, 2008. S. 51–61.
8. Зубачевский В. А. Политика Советской России на востоке Центральной Европы в 1923 году (по архивным документам) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 40–55.
9. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 210–211.
10. См.: Wołos M. Francja–ZSSR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932. Toruń: Wyd-wo Adam Marszałek, 2004. S. 488 и далее; Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-sovietiques et le facteur polonais dans les questions de securite en Europe (1924–1935). Bruxelles; Bern; Berlin; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2009. S. 440. Для данной статьи важность представляют два последних раздела этой работы: Un axe Paris-Moscou sans Varsovie? (juillet 1932 — janvier 1934) и Le choix de l'integration sovietique (fevier 1934–mai 1935).
11. Roberts G. The Soviet Union and the origins of the Second World War: Russo-German relations and the road to war, 1933–1941. New York; St. Martin's Press, 1995; Haslam J. Soviet-German relations and the origins of the Second World War: The Jury is Still Out // Journal of Modern History. 1997. № 69. P. 785–797; Kun Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. С. 178–179.
12. Tucker R. Stalin in power: the revolution from above, 1928–1941. New York: Norton, 1990. P. 341 и далее; Raack R. C. Stalin's drive to the West, 1938–1945: The origins of the Cold War. Stanford: Stanford University Press. 1995; Hoffman J. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945: Planung, Ausführung und Dokumentation. München: Herbig, 1999; Kun А., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. С. 179.
13. Вахрамеев А. В., Кулешов С. Г. Очерки истории советской внешней политики (1917–1991 гг.). М.: Вузовская книга, 2007. С. 63.
14. Там же. С. 56–57; См. подробнее: Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 30-е гг. XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. С. 110–178.
15. В исследовании данной тематики огромное значение имеют публикации безвременного ушедшего Олега Кена. См.: Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 20-х–середина 30-х гг. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2002.
16. Москва–Рим. Политика и дипломатия Кремля. 1920–1939: Сборник документов / Отв. сост. И. А. Хормач, отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Наука, 2002.
17. Захаров В. В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921–июнь 1941 г. М.: ГА ВС, 1992; Кантор Ю. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. Москва; Санкт-Петербург; Нижний Новгород; Воронеж; Ростов-на-Дону; Екатеринбург; Самара; Новосибирск; Киев; Харьков; Минск: Изд-во ПИТЕР, 2009. С. 286–287.
18. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 16. М.: Политиздат, 1970. С. 792.
19. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 213–214.
20. См.: Абрамов А. Н. Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 144–156.
21. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 213–214.
22. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933 гг. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 702 и далее.
23. Подробнее о политике СССР на Дальнем Востоке см.: Wojtowiak J. Stosunki radziecko-japońskie w latach 1931–1941. Rozprawy z Historii, 2000; Сафронов В. П. Война на Тихом океане. СССР, США и Япония в условиях мирового конфликта, 1931–1945. М.: БИМПА, 2007.
24. Ограничимся книгами, опубликованными в последнее время в России и Польше, среди которых особого внимания заслуживают: Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис: сентябрь 1939–июнь 1941. М.: Наука, 2008; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939–1941 гг. (документы, факты, суждения). М.: Вече, 2008; Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2009; Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 2008; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941 / Отв. ред. и сост. С. З. Случ. М.: Наука, 2007 (здесь имеется солидный обзор литературы); Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских переговоров 1939 г. до нападения Германии на СССР: Материалы международной конференции, Москва, 3–4 февраля 2005 г. / Под ред. Н. И. Егоровой. М.: Права человека, 2006; Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х гг. XX столетия: Сборник статей / Отв. ред. Э. Дурачински и А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2001 (особенно с. 139–230); из польских работ, вышедших в последние годы особую ценность представляют: Komat M. Polska 1939 roku wobec aktu Ribbentrop–Molotow. Problem zbliżenia niemieckosowieckiego w polityce zagranicznej II Rzeczypospolitej. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2002; Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2007.
25. Цит. по: Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 217.
26. ДВП. Т. 21. М.: Политиздат 1977. С. 138.
27. Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. С. 236.
28. Случ С. З. Предисловие к кн: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941 гг. Предисловие. С. 11 (прим. 21).
29. Цит. по: Materski W. Na widziecie. II Rzeczpospolite wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, Oficyna Wydawnicza RYTM, 2005. S. 504–506; Polska polityka zagraniczna w latach 1926–1932 [winno być: 1926–1939] / Na podstawie tekstów min. Józefa Becka, oprac. А. М. Cienciala. Paryż: Instytut Literacki, 1990. S. 218–220.
30. ДВП. Т. 21. С. 520.

31. Случ С.З. Предисловие к кн: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941 гг. С. 11–12.
32. Kornat M. Polska 1939 wobec paktu Ribbentrop–Mołotow. S. 249–260.
33. Polskie dokumenty dyplomatyczne. 1938. / Red. M. Kornat, współpraca P. Długołęcki, M. Konopka-Wichrowska, M. Przyłuska. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2007. S. 725–730; Polskie dokumenty dyplomatyczne. 1939 styczeń–sierpień. / Red. S. Żerko, współpraca P. Długołęcki. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2005. S. 13–14, 48–52; см. также: Kornat M. Polityka równowagi 1934–1939. Polska między Wschodem a Zachodem. Kraków: ARCANA, 2007. S. 431–434.
34. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 220.
35. Случ С.З. Польша в политике Советского Союза. 1938–1939. // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М.: Наука, С. 172–175.
36. Dokumenty Polskiej Dyplomacji, 1939 styczeń–sierpień. S. 314–324. См. также: Cienciala A. M. Poland in British and French policy in 1939: determination to fight or avoid war? // The Polish Review. 1989. Vol. 34. № 3. P. 199–226; Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. Poznań: Instytut Zachodni, 1998. С. 265–291; Kornat M. Polityka równowagi. S. 434–438.
37. ДВП. Т. 22. Кн. 1: 1 января–31 августа 1939 г. М.: Международные отношения, 1992. С. 277–278, 283–284.
38. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 221.
39. На приеме у Сталина. С. 257.
40. Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. С. 202–203.
41. Там же. С. 250–255.
42. Kornat M. Polityka równowagi. S. 438.
43. Ulam A. B. Expansion and coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917–1967. New York: Secker & Warburg, 2007. P. 267; Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. С. 246–259.
44. Polska polityka zagraniczna. С. 252–257. Ход трехсторонних переговоров в кн: Вахрамеев А. В., Кулешов С. Г. Очерки истории советской внешней политики (1917–1991 гг.). С. 68–72.
45. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 584.
46. См. также: Случ С.З. Сталин и Гитлер. 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119; Печатнов В. О. В. М. Молотов — самый сталинский нарком // Известные дипломаты России. С. 257–260; в польской литературе наиболее полная картина советско-германских переговоров в 1939 г. представлена в кн.: Dębski S. Między Berli-nem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. S....
47. Российский текст договора был впервые опубликован в «Известиях» от 24 августа 1939 г.; российский текст секретного протокола см.: ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 632; польский текст обоих документов см.: Polska polityka zagraniczna. С. 404–405.
48. Slutsch S. 17. September 1939: der Eintritt der Sowjetunion in den Zweiten Weltkrieg: Eine historische und völkerrechtliche Bewertung // Vierteljahresschrift für Zeitgeschichte. 2000. № 48. S. 219–254; см. у этого же автора: Случ С.З. Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос вступления СССР во вторую мировую войну. // Славяноведение. 1999. № 6. С. 32–43; Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре–декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну. // Отечественная история. 2000. № 5. С. 46–58; № 6. С. 10–27.
49. Цит. по: Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 7. Oprac. E. Basiński et altera. Warszawa: Książka i wiedza, 1973. S. 197. Польский перевод ноты см.: Polska polityka zagraniczna. S. 406.
50. Российский текст договора впервые был опубликован в «Известиях» от 29 сентября 1939 г.; российский текст секретного протокола об изменении границ сфер интересов см.: ДВП. Т. 22. Кн. 2: 1 сентября 1939–31 декабря 1939 г. М.: Международные отношения. 1992. С. 135–136; польский текст договора см.: Polska polityka zagraniczna. С. 407–408.
51. См. также: Bayerlein B. H. «Der Verräter, Stalin, bist Du!»: Vom Ende der linken Solidarität. Komintern und kommunistische Parteien im Zweiten Weltkrieg 1939–1941 / Berlin: Aufbau Verlagsgruppe, 2008. S. 103–129; Макензи К. Коминтерн и мировая революция, 1919–1943. М.: Центрполиграф, 2008. С. 207–211.
52. См.: Wojtkowiak J. Stosunki radziecko-japońskie w latach 1931–1941.
53. Важно упомянуть, что польская дипломатия в межвоенный период безуспешно протестовала против публичного употребления советскими политическими деятелями названий «Западная Украина» и «Западная Белоруссия». См.: Dokumenty Polskiej Dyplomacji. 1931 / Red. M. Wolos. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2008. S. 243–246.
54. Широкодар А. Б. Польша. Непримиримое соседство. М.: Вече, 2008. С. 379–401; Яковлева Е. Польша против СССР. 1939–1950. М.: Вече, 2007. С. 8–73; Кремлев С. (Брезкун Т. С.). Россия и Германия: путь к пакту. Коридоры раздора и пакт надежды. Историческое исследование. М.: АСТ; Астрель; ВЗОИ, 2004. С. 461.
55. Стоит подчеркнуть, что фундаментальные работы по теме репрессий в Красной армии были подготовлены и опубликованы польскими историками: Wiczorkiewicz P. P. Łańcuch śmierci. Czystka w Armii Czerwonej 1937–1939. Warszawa: Rytm, 2001; Wojtkowiak J. Polowania na «dálniewostoczników». Represje wobec korpusu oficerskiego dálniewschodniego zagrupowania radzieckich sń zbrojnych w latach 1936–1939. Poznań: Instytut Historii UAM, 2007.
56. См. подробно: Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la Révolution d'octobre au mur de Berlin, sous la direction de S. Cœuré et S. Dullin, Paris: La Découverte, 2007.
57. См.: Documents diplomatiques français. 2-ème série. T. 18. Paris: Impr. nationale, 1985. P. 474.
58. См. подробнее: Borejsza J. W. «Śmieszne sto milionów Słowian...». Wokół światopoglądu Adolfa Hitlera, Warszawa: Wyd-wo Neriton; Instytut Historii PAN, 2006.
59. См.: Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск: Харвест, 2004.